

Общие проблемы
политической концептологии

**МЕТОДЫ В «ВЕРТИКАЛЬНОМ» ИЗМЕРЕНИИ
(метатеория и метаязыки-органоны)¹**

В.С. Авдонин

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация: В статье методы науки рассматриваются сквозь рефлексивную призму метатеории. Среди них выделяются особые методы-органоны как ориентированные на интеграцию науки комплексы методологического знания, способные пребывать и перемещаться в двумерном (горизонтальном и вертикальном) методологическом пространстве науки. По «горизонтали» в виде фрагментов методологических комплексов отдельных предметных дисциплин или «насыщенных» органонов, по «вертикали» — в виде обобщённых комплексов методологических и метатеоретических абстракций или «чистых органонов». В их число включены: «чистая математика», «чистая семиотика», «чистая морфология» и «чистая компаративистика». Взаимосвязь «насыщенных» и «чистых» органонов представлена через концепцию метаязыка, где первые выступают предметными языками, а вторые — средствами их метаязыковой рефлексии. Показаны механизмы этого взаимодействия, а также преимущества трактовки «чистых органонов» как метаязыков предметных областей знания. В заключении ставится вопрос о характере языка, на котором может быть выражена теория органонов, и затрагиваются проблемы, связанные с этим.

Ключевые слова: интеграция науки, метатеория, методология, методы, насыщенные и чистые органоны, метаязыки, метаметаязык.

Характерными тенденциями современной науки, как, впрочем, и науки в прошлом, являются дифференциация и интеграция. Поле науки постоянно расширяется, ее предметами становятся все новые сферы и фрагменты действительности, растёт многообразие способов получения научных знаний. Дифференциация науки происходит, преимущественно, в дисциплинарной форме, ее пространство сегментируется на множество дисциплин, дисциплинарных и субдисциплинарных направлений и отраслей, обретающих ту или иную степень автономии в предметном, методологическом, институциональном аспектах [Огурцов 1988]. Усиливающаяся специализация, повышая эффективность и точность специальных знаний, в то

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Разработка интеграционных методов и методик фундаментальных социально-гуманитарных исследований» (грант РФФИ № 13-06-00789).

же время порождает проблемы внутренней коммуникации в науке, поддержания целостности научного знания, а также в ряде случаев и взаимодействия науки с практикой. В этой связи формируется и противоположная тенденция интеграции, стремящаяся противопоставить процессу дробления и разбегания обратный процесс — объединения и интеграции многообразного поля современной науки [Авдониин 2014]. Эта тенденция черпает свои ресурсы как из исторической и философской традиции (традиционные и современные идеи единства науки), так и из наблюдений и анализа исторической и современной практики научных исследований [Stichweh 1994].

На расширяющемся исследовательском поле науки дроблению и сегментации в какой-то мере противостоит тренд к междисциплинарным исследованиям. Он базируется на взаимодействиях между дисциплинами через сближение их представлений о предметных областях, кооперации исследовательских методов и постановки общих познавательных задач. [Мирский, 1980] Но обеспечить достаточно широкую интеграцию науки только на базе междисциплинарности затруднительно. Во-первых, она отталкивается «от предметного дробления» дисциплин, поэтому их автономия в той или иной мере в ней сохраняется. Во-вторых, она способствует интеграции лишь *post factum*, т. е. уже после предметного обособления дисциплин, и в этом смысле не может затрагивать, например, дробления при обособлении новых дисциплин и субдисциплин. В-третьих, междисциплинарная интеграция может противостоять дроблению лишь в относительно локальном масштабе, в отдельных зонах или узлах научного пространства, способствуя сближению, преимущественно, близких, смежных или в чем-то сопоставимых дисциплин, а за этими пределами она встречается достаточно редко.

С учётом этого обстоятельства следует отметить, что интеграционный вектор в науке может реализовываться не только через предметную или междисциплинарную интеграцию, но и иначе. Другой путь здесь состоит в интеграции через определённое отвлечение или дистанцирование от поля предметного дробления дисциплин и выход в более абстрактное «надпредметное» или «наддисциплинарное» пространство науки. Это требует особого рефлексивного подхода, получившего в современных исследованиях науки статус метатеоретического [Философия науки... 2010]. Он образует слой знания, располагающегося как бы «поверх» поля наук, но тесно с ним связного посредством методологической рефлексии многообразных предметных знаний. С другой стороны, он восходит к всеобщим основам рефлексии как таковой, сближаясь с философией, но ориентируется на вычленение в ней особого типа научной рефлексии, связанной с общими условиями формирования и развития научных знаний. Именно в этом слое находятся те комплексы методологических и метатеоретических знаний, которые мы называем *органогами*² и которые, на наш взгляд, могут способствовать интеграции наук. Далее мы хотели бы в общем плане обрисовать место этих органов в пространстве метатеоретического знания, высказать гипотезу об их метаязыковых свойствах, а также поставить вопрос о возможных способах их дальнейшего обсуждения.

1. Органы в слое метатеории

Метатеоретическое знание двухмерно и разнородно. Здесь в духе теории относительности можно сказать, что «система отсчёта» для определения размерности и разнородности пространства или слоя метатеоретического знания задаётся современной философией и методологией науки, а также проблематикой науковедческих исследований. Оно «простирается» по полю наук — горизонтально, охватывая и группируя его разнородные предметные и дисциплинарные сегменты, с другой стороны, — оно содержит и вертикальное измерение,

² Понятие органа, восходящее к Аристотелю («Органон») и Ф. Бэкону («Новый органон»), означает компендиум общих знаний о методе (методах) науки, позволяющий получать в науке достоверное знание.

устремляясь к более абстрактным, «надпредметным» и «трансдисциплинарным» условиям и формам. Это движение в разных измерениях (по горизонтали и вертикали) образует проблему или «разрыв» в метатеоретическом знании, который, однако, преодолевается посредством «конструктивной способности интерпретативного мышления». Оно даёт возможности находить связи и строить соответствия между двумя измерениями, не сводя их друг к другу или подменяя одно другим. Эта конструктивная или интерпретативная связь образует своего рода «дистанцию соответствия» предметного и абстрактного измерений метатеоретического знания [Лекторский 2009; Gilbert, Mulkay 1984; Lenk 1992; Wallner 1993; Gethmann 1994].

Находясь в слое этого знания, методологические комплексы знаний органовов сталкиваются с его общими четами и проблемами. Для них тоже значимы соответствующие горизонтальные и вертикальные измерения и проблемы «конструктивного соответствия» между ними. В этом плане органыов тоже распространяются «вширь» по дисциплинарному полю наук, воплощаясь в разнородных предметных контекстах, и также стремятся «ввысь» — к абстрактным и «очищенным» формам. Столь же важно для них и выстраивание способа конструктивного соответствия этих измерений.

Первичным средством анализа этой проблематики для нас может быть выделение понятий «насыщенного» и «чистого» органыов [Авдонин, Ильин, Кокарёв, Фомин 2014]. Очевидно, что понятие «насыщенного органаона» (или, может быть, «предметного органаона») применяется для характеристики этого методологического знания в горизонтальном измерении, т. е. применительно к многообразным предметным областям поля наук. В этом качестве «насыщенные органыоны» тесно связаны с отдельными дисциплинами, они включены в их дисциплинарные матрицы, в их методологию, в теоретические и эмпирические конструкции [Кун 1975]. Внутри дисциплин они образуют отрасли, разделы или субдисциплины с особой тематикой и ракурсом работы с предметностью, но при этом включены в общие предметные теории и интегрированы с методологическими инструментариями соответствующих дисциплин.

В качестве примеров таких «насыщенных органыонов» мы можем рассматривать сравнительную политологию, эволюционную биологическую морфологию или лингвистическую семиотику. По сути, также обстоит дело и с математикой, применяемой в различных областях естественных и гуманитарных наук. Хотя, автономия метода здесь, очевидно, выше, чем в других случаях. Предметность здесь преобразуется в особые математические объекты, к которым собственно и применяется математика. Хотя типологически сходные преобразования предметности дисциплин в соответствующие морфологические, семиотические или компаративистские объекты имеет место и в других «насыщенных органаонах», но их методологическая разработанность и степень абстрактности уступает математике, поэтому автономия их методов ниже. Тем не менее, общим для всех этих случаев остаётся тесная связь метода/органона с предметным материалом соответствующей дисциплины, а преобразования этого материала включены в ее методологический контекст. Это делает «насыщенные органыоны» весьма непохожими друг на друга, и их интеграционный потенциал оказывается очень незначительным. Понятно, что, например, сравнительная политология, сравнительное языкознание или сравнительная география являются разными дисциплинами. Во всяком случае, их близость к материнским дисциплинам (политологии, языкознанию и географии), отраслями которых они являются, куда больше, чем их сходство между собой. Хотя какое-то сходство может быть намечено и здесь, могут быть выполнены какие-то первичные группировки дисциплин по общности методов. Но выполнить интегральную функцию органыов, находясь на этом предметном уровне, невозможно. Их различия, «насыщенность» или «отягощенность» предметностью оказываются на этом уровне слишком значительными.

Для анализа интегрирующей функции методологических комплексов органовов вводится понятие «чистого органаона», которое характеризует движение по «вертикали» в слое мета-теоретического знания. Пока мы его можем определить, как некое методологическое знание, пребывающее и способное перемещаться в «надпредметной» или трансдисциплинарной области науки и при этом имеющее связи или соответствия с предметностью посредством «насыщенных» органовов. Наиболее характерным примером такого «чистого» органаона может выступать математика. В силу своей абстрактности она является «надпредметным» знанием и относится в нашей схеме в «вертикальном» измерению метатеоретического знания. То, что она может перемещаться по полю наук, также очевидно, — процесс математизации самых различных дисциплин идёт достаточно активно. Налицо и «связь» с предметностью («насыщенный органон»), которая осуществляется путём содержательной (предметной) интерпретации математических моделей и формализаций [Рузавин 1984].

Но в качестве «чистого органаона» может быть представлена не только математика. О подобном способе представления «чистой семиотики» писал Ч.Моррис, [Моррис 2001] идеи «чистого органаона» высказывались и в отношении «чистой морфологии» [Патцельт 2012; 2014] «чистой компаративистики» [Regin 1987] и так далее. То есть идея «чистых органовов» присутствует в методологическом дискурсе. Она может быть представлена в нем по-разному, но в нашем варианте, как уже сказано, она связывается с представлением о «вертикальном» измерении методологического пространства науки, а также со способностями «перемещаться» в этом пространстве и «связываться» с расположенными «по горизонтали» предметными областями.

В отношении вертикального измерения методологического (метатеоретического) пространства науки можно предположить следующее. Обычно в нем выделяют три методологических уровня — частнонаучный, общенаучный и философский [Философия науки... 2010: 155]. В то же время во многих науковедческих исследованиях [Laitko 2010] отношение, по крайней мере, между первым и вторым выглядит сложнее. Помимо частнонаучного или дисциплинарного уровня, выделяются также сферы междисциплинарной, а также трансдисциплинарной методологии, в рамках которых меняются связи и соотношения между предметом и методом. Значение метода и широта его применения к различным предметным областям нарастают. При этом возрастает также абстрактность самой методологии, степень ее отвлечения от предметности. В этой связи можно полагать, что «чистые органыоны», предполагающие высокий уровень методологической абстрактности и в то же время широту применения, располагаются на уровне трансдисциплинарной методологии.

Далее можно задаться вопросом о подробностях связи между предметным и трансдисциплинарным уровнем методологии, о чем, в частности, писали ряд авторов [Mittelstraß 2005; Korohl 2005]. Но для нас важно рассмотреть ее сквозь призму отношения «чистых» и «насыщенных» органовов. И здесь мы воспользуемся соображениями Морриса. Он, как известно, выделяя чистую и дескриптивную семиотику, высказывал мысль об их историко-генетической связи. Дескриптивная семиотика (или в нашем случае «насыщенный органон») исторически предшествует чистой. Иначе говоря, явлениями того, что Моррис назвал семиозисом, люди занимались задолго до того, как было предложено его учение о чистой семиотике. Но занимались не в «чистом», а именно в дескриптивном, предметном (применительно к изучению языков) или «насыщенном» виде. И лишь в какой-то момент стало понятно, что на основе осмысления этой предметной практики может быть создано обобщенное учение о чистой семиотике. А далее уже эту чистую семиотику он предлагал сделать языком многих наук [Моррис 2001: 63].

Исходя из этого соображения, можно полагать, что и в нашей версии «насыщенные органыоны» исторически предшествуют чистым. Из наблюдения и эмпирического обобщения

действия органона в предметной сфере и осуществляется затем переход к обобщённым формулировкам методологической формы «чистого органона». Главным вектором здесь является методологизация органона, «преодоление» предметности, а главным средством — рефлексивный анализ хода познавательного процесса. Сначала этот анализ позволяет выявить отдельные общие черты и особенности метода «насыщенного органона», условия его применения и познавательные эффекты. Но на этом этапе анализ метода находится «в тени» теории предмета, с которым он имеет дело, испытывая сильную зависимость от нее. Затем рефлексивный анализ углубляется и распространяется уже на саму теорию соответствующего предмета. Он позволяет понять эту теорию метатеоретически, т. е. с учётом условий и способов формирования теоретических представлений о предметности в виде идеализаций и формализованных моделей. На этом уровне рефлексии метод и теория становятся *методологически сопоставимыми*, что позволяет их различать и при этом соотносить друг с другом [Вельцель 2001]. Именно на этом уровне, условно определяемом как уровень метатеоретической рефлексии, формируются условия для автономной от определённой предметности теории метода и представлений о «чистом органоне». И уже на этой основе возникают возможности и условия его трансферта по различным предметным полям через адаптации к различным теоретическим конструкциям предметности. В этом качестве знания «чистого органона» выступают уже как знания теоретико-дедуктивного типа, ведущие от его общих методологических принципов к частным методологиям «насыщенных органонов».

Историко-генетическая концепция позволяет, таким образом, объяснять появление «чистых органонов» эмпирико-индуктивным путем из рефлексивного анализа работы «насыщенных органонов» и их отношений с предметными теориями отдельных дисциплин. Но с оформлением области анализа «чистого органона» система отношений меняется. Теперь уже не только и не столько анализ предметной практики влияет на «чистые органоны», но разработка общего методологического знания последних ведёт к его «дедукции» в отдельные предметные области «насыщенных органонов». Более того, создаётся механизм активного распространения знания «чистых органонов» на все новые предметные области науки, а сами они превращаются в узловые точки интеграции разнообразных фрагментов этого предметного поля. Систематизировать и прояснить возникающую здесь проблематику отношений и процессов может помочь, на наш взгляд, использование концепции *метаязыка* или метаязыков применительно к методологическим знаниям «чистых органонов».

2. «Чистые органоны» как метаязыки предметного знания

Понятие метаязыка, введённое в логику и философию науки в 30-е годы прошлого века, было тесно связано с «лингвистическим поворотом» в исследованиях науки. Фокус внимания был перенесён в данном подходе на изучение роли языка как главного конструктивного инструмента научного познания. Языки наблюдений, теоретические языки, искусственные и естественные языки и т. д. стали предметами пристального изучения [Rorty 1967; Habermas 1999]. В этой связи понятие метаязыка стало использоваться как важное средство исследования языков вообще и языков науки в особенности [Tarski 1944; Клини 1957; Карнап 1971].

Главной задачей метаязыка является рефлексивное познание так называемых объектных или предметных языков, выявление условий их формирования, правил функционирования и развития, обнаружение в них скрытых проблем и противоречий, а также средств их преодоления. Он представляет собой язык «второго уровня» [Барт 2001], объектом которого является объектный язык (язык «первого уровня»). В отличие от объектного языка, который имеет дело с предметным содержанием (именует явления и процессы), метаязык имеет дело не с предметами, а с «именами» объектного языка. Или означающее в объектном языке яв-

ляется означаемым в метаязыке. По отношению к предметным языкам науки метаязык, претендующий быть эффективным средством их рефлексивного анализа, должен обладать рядом особых свойств. Прежде всего, в нем должны быть средства описания синтаксиса объектного языка и абстрактные формулы для перевода его выражений. Кроме того, он должен включать достаточные средства для отображения логики объектного языка, а также особые рефлексивные переменные более высокого порядка, чем имеющиеся в объектном языке. Если последний содержит теоретические конструкции, а большинство предметных языков научных дисциплин именно таковы, то средствами метаязыка строится метатеория, содержащая возможности для рефлексивного анализа теории, выраженной средствами предметного языка. В связи с разработкой концепции метаязыка А. Тарский ввёл понятие «семантически замкнутых языков», в которых смешаны объектные и метаязыковые функции [Тарский 1998: 101]. Это ведёт к образованию в них логических и семантических парадоксов, препятствующих их познавательной эффективности. Таковыми, как правило, являются естественные языки. Для снятия этих проблем требуется семантическое выделение метаязыковых компонентов и создание метаязыка с соответствующими свойствами. Прежде всего, это требуется языкам науки, в которых познавательная функция является главной.

Теперь от общих проблем метаязыка можно перейти к органонам. Есть несколько оснований для их идентификации. Во-первых, и те, и другие имеют отношение к слою рефлексивного, метатеоретического знания, что позволяет распространять на них общие принципы рефлексивного метода как такового. Во-вторых, отношения метаязыка и объектного языка весьма напоминают отношения «чистого» и «насыщенного» органонов. Первый направлен на рефлексивный анализ, в том числе на анализ условий и проблем формирования, функционирования и развития второго. В-третьих, строение «чистого органона», как предполагается, может обнаружить соответствие или быть оптимизировано в соответствии со строением метаязыков, предназначенных для рефлексивного анализа объектных языков предметной науки.

Здесь важно отметить, что предметные области науки могут быть поняты как предметные языки, т. е. как системы понятий и высказываний о предмете, обладающие синтаксическими, семантическими и прагматическими свойствами. «Насыщенные» или предметные органоны, входящие в языки предметных областей, также обладают этими свойствами. Но для анализа этих свойств требуется рефлексивный момент, который позволяет видеть в предметных понятиях и высказываниях науки также «имена», связи и свойства этих «имён». Хорошо известный пример: лошадь — это животное и «лошадь» — это имя существительное. Первое — понятие предметного языка, второе — рефлексивное и метаязыковое понятие, позволяющее анализировать свойства имён предметного языка. Здесь открывается путь к «чистым органонам». Они образуют рефлексивные понятия относительно предметных понятий и высказываний «насыщенных органонов». Сравнительные, математические, семиотические или морфологические высказывания о предмете в рамках «насыщенного органона» приобретают в пространстве «чистого органона» статус метаязыковых объектов или «имён» соответствующего метаязыка.

Например, сравнительное высказывание, сделанное в рамках сравнительной политологии («насыщенный органон») и относящееся к политическому устройству общества, может быть переведено на метаязык «чистого органона» (чистой компаративистики) посредством применения к этому сравнительному высказыванию метаязыковых понятий «случаев» и «переменных». При этом значимые особенности предметного *сравнения* должны находить соответствия и в метаязыке чистой компаративистики [Regin 1984]. Для этого там должны присутствовать достаточные выразительные средства и логические схемы, включающие различные типы, виды и разновидности случаев и переменных, различные способы и виды их связей и зависимостей, семантических и синтаксических правил, видов модальностей и т. д.

В этом случае «чистый органон» как метаязык может выступать средством контроля, развития, обнаружения и решения проблем предметного языка «насыщенного органона». Но и предметный язык может что-то дать «чистому органону». Например, какой-то необычный тип сравнения в предметных высказываниях может потребовать разработки или уточнений в средствах метаязыка³.

Сходным образом можно представить себе и примеры отношений других «чистых органонов» с их предметными языками. Для математизированных высказываний относительно каких-то природных или социальных явлений и процессов метаязыком или «чистым органом» будет математика, содержащая связи, правила, приёмы, а также раскрывающая проблемы работы с математизированными объектами. А для семиотических высказываний относительно предметных знаковых систем (например, естественных языков) метаязыком будет «чистая семиотика» с общими синтаксическими, семантическими и прагматическими правилами функционирования знаков и знаковых систем, а также с рефлексивными понятиями «знаков», «семиозисов» и т. д. Ну, и, наконец, морфологические высказывания в предметном языке, например, биологической морфологии будут иметь в качестве метаязыка «чистую морфологию» с соответствующими рефлексивными понятиями, правилами и схемами их связей и взаимодействий.

Разумеется, подход к анализу «чистых органонов», идентифицирующий их как метаязыки, не должен абсолютизироваться и заслонять различия между ними. Прежде всего, здесь можно отметить функциональные различия. Если метаязык, как уже отмечалось, направлен преимущественно на рефлексивный анализ предметных языков в целях их более глубокого познания, развития и усовершенствования, то «чистые органоны», помимо этой функции по отношению к «насыщенным органонам», направлены ещё и на их унификацию и универсализацию, способствующие трансдисциплинарному трансферу этого методологического знания. Кроме того, «насыщенные органоны» не являются в точном смысле самостоятельными и полноценными предметными языками, а выступают лишь как составная часть языка предметных дисциплин. Соответственно, и «чистые органоны» как их метаязыки не обладают в полной мере свойствами полноценного метаязыка, а могут обладать ими лишь частично.

Таким образом, следует иметь в виду, что уже при первом весьма схематичном анализе между «чистыми органонами» и метаязыками обнаруживаются не только сходства, но и различия. В частности, первые в функциональном смысле оказываются шире вторых, претендуя на выполнение более широкого круга задач, но в содержательном плане оказываются уже, так как не обладают всеми метаязыковыми свойствами.

Все это не может не сказываться на разработке предложенной метаязыковой гипотезы в отношении «природы» «чистых органонов». Понятно, что она должна, например, включать специальное исследование предложенных в наших примерах «чистых органонов» как на предмет их соответствия (возможно, и усечённого) понятию метаязыков, так на предмет выполнения ими выходящих за пределы метаязыка функций. Эти области «чистых органонов» имеют разную историю становления, разную степень развития, систематизации и методологической разработки. Это может относиться и к степени развитости в них тех метаязыковых свойств, о которых говорилось выше. Какие-то из этих свойств могут быть развиты больше или меньше, какие-то быть едва намечены или даже отсутствовать в приемлемом виде. Здесь

³ В целом для анализа отношений предметных и чистых органонов как соответствующих языков или языковых конструкций может быть использован и идущий от Ф. Де Соссюра [Соссюр 2004] контекст представления языка как отличной от речи системы правил и норм (*langue*). И далее может проводиться различие между интересубъективным измерением этой системы и ее индивидуальным измерением, т. е. в нашем случае между ее трансдисциплинарным и внутридисциплинарным измерениями.

потребуется специальный анализ, пересекающийся к тому же с рассмотрением потенциала выполнения этими органами функций трансдисциплинарного знания.

И, тем не менее, на наш взгляд, несмотря на отмеченные проблемы и необходимость дальнейшего основательного изучения и проработки, идея понимания «чистых органов» как метаязыков может быть полезной и продуктивной. В частности, она позволяет раскрыть механизм соотношения «чистого» методологического и метатеоретического знания с предметностью, с областью предметных знаний. Ключевым звеном в нем является «насыщенный орган», в рамках которого и происходит соответствующее «первичное» именование (кодирование) предметности в понятиях и высказываниях отдельных дисциплин (и их субдисциплин). Здесь орган «говорит» на языке предметного знания. Далее происходит шаг к «чистому органу», где осуществляется «вторичное» кодирование, но уже не самой предметности, а ее имён и их связей. При этом второй уровень кодирования представляет собой не «тощую абстракцию» или «тень» предметности, а метаязык, сохраняющий в рефлексивной и систематизированной форме разнообразие содержания предметного языка. Здесь же заключена и возможность трансферта этого знания и «раскодирования» его на других предметных полях. Оно тоже происходит не в один, а в два шага. Знания «чистого органа» касаются не самой предметности, а помогают становлению предметного языка как эффективного средства и инструмента познания предмета, и лишь через его оформление и функционирование опосредовано относятся к самому содержанию предметной области.

3. О языке теории органов

Вопрос о языке высказываний о «чистых органах», включающих представления о них как о метаязыках предметных органов, сам может быть поставлен в метаязыковой парадигме. И в этом случае он будет выглядеть как метаметаязык или метаязык для метаязыков. О такой возможности, например, говорит Тарский, когда рассуждает о рефлексивном исследовании метаязыков [Тарский 1998: 103]. И логика рассуждения здесь такая же, как и при характеристике метаязыка, который рассматривается как рефлексивное исследование понятий и высказываний предметного языка. Метаметаязык (или метаязык второго уровня) представляет собой рефлексию понятий и высказываний метаязыков. В этом языке предметными языками являются сами метаязыки или в нашем случае «чистые органы». Соответственно на него распространяются и общие свойства метаязыков, о которых говорилось выше. Он должен иметь выразительные средства, достаточные для отображения содержания, логики, синтаксических правил, модальностей исследуемого языка (в данном случае языка «чистых органов»), а также содержать рефлексивные понятия более высокого уровня абстракции.

Введение понятия метаметаязыка применительно к суждениям о «чистых органах» требуется, как и в случаях введения метаязыков применительно к предметным языкам, прежде всего, для систематизации знания о них, для осмысления условий их формирования, функционирования и развития, а также для обнаружения в них проблем и противоречий, требующих преодоления. Как и для метаязыков первого уровня, в т.ч. и самих «чистых органов», для метаметаязыка, формирующего суждения о них, актуальна проблема развития средств и возможностей, обеспечивающих корректность и эффективность таких суждений. Здесь, в частности, может быть намечено выделение проблематики, связанной с синтактикой и семантикой такого языка, проблем его прагматики, а также вопросов формирования его понятий и т. д.

При этом понятно, что пока разработанных средств, позволяющих говорить о метаязыке «чистых органов» (или метаметаязыке), явно недостаточно. Но работа в этом направлении может быть продуктивной. Во всяком случае, мы что-то предприняли и в данном матери-

але. Раскрытие понятий «органона», «чистого» и «насыщенного» органонов, механизмов их соотношений в «вертикальном» и «горизонтальном» измерениях поля наук, помещённые также в пространство метатеоретической и метаязыковой рефлексии, могут быть шагами в этом направлении. Конечно, в этой связи ясно и то, что сделать здесь предстоит ещё очень и очень много.

Вопрос о языке рефлексивного анализа «чистых органонов» как метаязыке сталкивается не только с трудностями его построения, но может встретиться с возражением о проблематичности и избыточности самой подобной инстанции. Не избыточно ли вообще водружать ещё один метаязыковый уровень над уровнем метаязыков самих «чистых органонов», тем более, сталкиваясь здесь с многочисленными проблемами и трудностями?

Вопрос этот кажется резонным, учитывая метаязыковую природу самих «чистых органонов» и в этой связи их средства и возможности для рефлексивного анализа предметных языков. На этой основе можно предположить схему, в которой «чистые органоны» будут выполнять метаязыковые функции в отношении друг друга. Например, в отношении математики функции метаязыка может выполнить чистая семиотика, а в отношении семиотики чистая морфология и т. д. В этом случае формирование специального метаязыка для всех «чистых органонов» (т. е. метаязыка второго уровня) выглядело бы излишним. И преимущество этого состояло бы в том, что метаязыковые функции «чистых органонов» можно было рассматривать в более тесной связи с предметными языками научных дисциплин. Но здесь мы столкнёмся с проблемой *семантического замыкания* языков, о которой предупреждал Тарский [Тарский 1972]. В метаязыке «чистого органона» в этом случае произошло бы смешение (или «семантическое замыкание») его метаязыковых функций (метаязыковой семантики) в отношении предметных языков наук и метаязыковых — в отношении другого метаязыка (другого «чистого органона»). А это означало бы появление в данном метаязыке логических парадоксов и противоречий, о которых говорит теория метаязыка Тарского. Чтобы этого избежать, и нужен выход в метаязык более высокого уровня, т. е. в данном случае в метаязык.

Очевидно, что данная проблема должна быть изучена более подробно. Нужен более тщательный анализ метаязыковых функций и свойств «чистых органонов», их связей и соотношений с предметными измерениями «насыщенных органонов», а также специальное исследование нового блока связей и отношений — уже между самими «чистыми» и «предметными» органонами, между их парами, комплексами и т. д. Возможно, что есть и способ обеспечить рефлексивный анализ органонов средствами их внутренней рефлексии и при этом избежать появления в них парадоксов Тарского, не выходя на новый рефлексивный уровень метатеории (в данном случае метатеоретический и метаязыковый). Возможно, что здесь может быть найден компромисс, так как каждый вертикальный скачок по «этажам науки» от предметности к метатеории и метаязыку, а от них к метатеории и метаязыку второго уровня, открывая одни возможности и решая одни проблемы, порождает другие. Отрыв от предметности становится выше, а связи с ней все сложнее и многослойнее, что также ведёт к многочисленным проблемам и парадоксам.

Так или иначе, здесь могут быть предложены разные стратегии изучения, которые должны быть протестированы на предмет эффективности решения выявляемых проблем. Вероятно, что две из них будут альтернативными. Первая — может быть ориентирована на метаязыковую парадигму анализа проблематики «чистых органонов» и построение для этих целей метаязыка второго уровня. Вторая, альтернативная первой, — может ограничиваться поисками рефлексивных и аналитических средств анализа в метаязыковом пространстве самих «чистых органонов», используя их для анализа друг друга и избегая выхода в метаязык второго уровня. И, наконец, возможна и ещё одна — компромиссная стратегия, предполагающая определённый компромисс

двух первых. Она не исключает обращения и к первому варианту анализа, и ко второму, сообразуясь, прежде всего, с задачами наиболее эффективного решения возникающих проблем.

Авдонин В.С. 2014. Методологическая интеграция в науке. — *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр.* — Вып. 4.

Авдонин В.С., Ильин М.В., Кокарев К.П., Фомин И.В. 2014. «Трансдисциплинарные органы-интеграторы социально-гуманитарных исследований: очищение и насыщение общенаучных методологий дисциплинарной предметностью». — *ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ РГГУ*. — Доступно: <http://www.gumchtenia.rggu.ru/>. — Дата обращения: 1.09. 2014.

Барт Р. 2001. Нулевая степень письма знаков. — *Семиотика: Антология*. — М.: Академический проект.

Вельцель Х. 2004. Научно-теоретические и методические основы политической науки. — *Методические подходы политологического исследования и методологические основы политической теории*. — М.: РОССПЭН.

Карнап Р. 1971. *Философские основания физики. Введение в философию науки*. — М.: Прогресс.

Клини С.К. 1957. *Введение в метаматематику*. — М.: Издательство иностранной литературы.

Кун Т. 1975. *Структура научных революций*. — М.: Прогресс.

Лекторский В.А. 2009. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке. — *Конструктивный подход в эпистемологии и науках о человеке*. — М.

Мирский Э.М. 1980. *Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки*. — М.: Наука.

Моррис Ч.У. 2001. Основания теории знаков. — *Семиотика: Антология*. — М.: Академический проект.

Огурцов А.П. 1988. *Дисциплинарная структура науки*. — М.: Наука.

Патцельт В.Дж. 2014. Прочтение истории: Очерк эволюционной морфологии. — *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр.* — Вып. 4.

Патцельт В. 2012. Эволюция институтов, морфология и уроки истории. Можно ли извлекать уроки из истории? — *Политическая наука*. — № 3.

Рузавин Г. И. 1984. *Математизация научного знания*. — М.: Мысль.

Соссюр Ф. де. 2004. *Курс общей лингвистики*. — М.: Едиториал УРСС.

Тарский А. 1972. Истина и доказательство. — *Вопросы философии*. — № 8.

Тарский А. 1998. Семантическая концепция истины и основания семантики. — *Аналитическая философия: Становление и развитие*. — М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-традиция.

Философия науки... 2010. *Философия науки. Общий курс*. — М.: Академический проект.

Gethmann C.F. 1994. *Konstruktive Wissenschaftstheorie*. — *Enzyklopadie Philosophie und Wissenschaftstheorie*. — Stuttgart.

Gilbert G.N., Mulkay M. 1984. *Opening Pandora's Box: a sociological analysis of scientists' discourse*. — Cambridge.

Habermas J. 1999. Hermeneutische versus analytische Philosophie, Zwei Spielarten der linguistischen Wende. — *Wahrheit und Rechtfertigung. Philosophische Aufsätze*. — Frankfurt a. M.: Suhrkamp.

Laitko H. 2010. Interdisziplinarität als Thema der Wissenschaftsforschung. — *LIFIS ONLINE*. — Mode of access: http://www.leibniz-institut.de/archiv/laitko_26_10_11.pdf. — Дата обращения: 26.06.2013.

Lenk H. 1992. Zu einem methodologischen Innerpretationskonstruktivismus. — *Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie*. — Vol. 22 — № 2.

Mittelstraß J. 2005. Methodische Transdisziplinarität. — *Technikfolgenabschätzung — Theorie und Praxis*. — Vol. 14. — № 2.

Ragin C. 1987. *The comparative method: moving beyond qualitative and quantitative strategies*. — Berkeley/Los Angeles: Univ. of California press.

Ropohl G. 2005. Allgemeine Systemtheorie als transdisziplinäre Integrationsmethode. — *Technikfolgenabschätzung. Theorie und Praxis*. — № 2.

Rorty R. 1967. *The Linguistic turn. Essays in philosophical method*. — Chicago: Univ. of Chicago press.

Stichweh R. 1984. *Zur Entstehung des modernen Systems wissenschaftlicher Disziplinen. Physik in Deutschland, 1740–1890*. — Frankfurt a. M.: Suhrkamp.

Tarski A. 1944. The Semantic conception of truth and the foundations of semantics. — *Philosophy and phenomenological research*. — Vol. 4. — № 3.

Wallner F. 1993. Die neue Wiener Schule des Konstruktiven Realismus. — *Grenzziehungen zum Konstruktiven Realismus*. — Wien.